

Этот Новый год Вэнь Наньшу встречал в одиночестве. За окном в тысячах окон светились огни, обещая тепло и уют, а дома у Наньшу царил идеальный порядок. Он ждал начала Весеннего гала-концерта в гостиной, долепливая последние пельмени.

Днем, накануне праздника, Хань Цзянянь помог ему с генеральной уборкой. Тот знал, что у Наньшу нет близких, и хотел остаться с ним, но в начале седьмого бесконечные звонки от родных всё же заставили его уехать. В новогоднюю ночь, когда принято подводить итоги года и загадывать желания, каждая семья стремится собраться вместе.

Наньшу ответил на сообщение Вэй Сыяня. Его пельмени получились аккуратными и пузатыми — они выглядели куда аппетитнее магазинных полуфабрикатов и ровными рядами белобоких «полумесяцев» лежали на подносе. Они ничем не отличались от тех, что он лепил раньше, но, возможно, из-за мягкого света и тишины вокруг казалось, что сегодня они будут по-особенному вкусными.

Раньше, когда он встречал Новый год в резиденции Пэй, всё было терпимо, пока дедушка был рядом. Но после отъезда старика за границу праздники превратились в испытание. Фан Лин вечно крутилась поблизости, раздавая высокомерные указания и морщась от его стряпни, которую называла «нищенской». А когда к ней приходили подруги, она намеренно помыкала им как прислужгой, словно его унижение было частью праздничной программы.

Пэй Юй никогда не смотрел гала-концерт и только высмеивал его дурной вкус. Потом в дом начинали стекаться толпы тех, кто хотел выслужиться перед хозяином, или же Пэй Юй сам уезжал на званые приемы, забирая Наньшу с собой. Если бы не этот брак, юноша за всю жизнь не смог бы даже заглянуть в мир высшего общества. Он вел себя крайне осторожно, боясь совершить малейшую ошибку и опозорить мужа. Каждый такой праздник он проводил словно на тонком льду.

Стоило пельменям оказаться в кастрюле, как начался Весенний гала-концерт. Яркие декорации и огни отражались в улыбках ведущих. Знаменитости, чьи имена знала вся страна, создавали атмосферу торжества, исполняя бодрые, полные надежд песни.

Снег за окном начал стихать. Глядя, как актеры в комедийной сценке едят пельмени, Наньшу вдруг вспомнил о Пэй Юе. Кто лепил для него сегодня? Пришлись ли они ему по вкусу? Муж всегда терпеть не мог начинку с зеленью или морковью — от неё у него к середине ночи начиналась изжога. На праздничном столе обязательно должна была быть его любимая рыба в кисло-сладком соусе.

Ложка в руке замерла. Горячий пар ударил в лицо, и Наньшу, опомнившись, горько и печально улыбнулся.

За эти годы его любовь к Пэй Юю проросла до мозга костей, став чем-то вроде инстинкта или безусловного рефлекса. Она была как яд, годами копившийся в крови — разве можно вывести

его в одночасье? Разве можно в один миг просто перестать любить?

Его спасло только решение, подсказанное когда-то Вэй Сыянем: сначала нужно убедить себя, что любви больше нет. Не думать ни о чем, просто произнести это вслух, чтобы на подсознательном уровне обрубить все надежды. Тогда на пути впереди новые падения, возможно, не будут такими болезненными.

Телефон на журнальном столике завибрировал. На экране высветилось имя бабушки Пэй.

Наньшу вытер руки и ответил:

— Дедушка, с Новым годом. Как ваше здоровье?

Недавно у старого господина Пэй ухудшились показатели здоровья, поэтому он остался в Ванкувере. Услышав голос юноши, он заметно обрадовался — всё-таки этот ребенок был ему по-настоящему дорог.

— Только ты и помнишь о старике. Стоит мне позвонить этому негоднику Пэй Юю, как после двух фраз так и тянет его выпороть. Укатил в Европу в самый праздник! Что за дела такие важные? Почему ты не поехал с ним?

Значит, Пэй Юй даже не в стране. Судя по тону деда, тот еще не знал о разводе. Наньшу решил пока ничего не говорить старику.

— Он в командировке, график очень плотный, времени совсем нет.

Дедушка расспросил, как дела дома и не обижает ли его Фан Лин. Наньшу заверил, что всё в порядке. Старик Пэй немного успокоился, но вспомнил унылый голос Пэй Юя во время их недавнего разговора. Не успел дед отчитать внука за то, что тот бросил супруга в праздник, как Юй пробурчал: «Я звал его с собой, я бы даже на сделку эту плюнул, но он и слушать меня не хочет. Что толку меня ругать, дедушка?»

— Сяо Шу, ты ведь поссорился с этим паршивцем? Что он опять натворил? Не принимай близко к сердцу. Скажи мне, я скоро вернусь и задам ему жару.

Наньшу вспомнил, что в следующем месяце годовщина смерти бабушки Пэй — дедушка обязательно прилетит.

— Нет... Дедушка, у Пэй Юя всё хорошо. На днях он говорил, что очень скучает по вам.

Старик Пэй не слишком поверил и задал еще пару вопросов, но когда Наньшу настоял на своем, отступился. Всё же он был старшим и не хотел постоянно вмешиваться в дела молодых;

в конце концов, между супругами всегда случаются размолвки.

Они проговорили еще какое-то время. Пожалуй, в семье Пэй дедушка был единственным, кто искренне любил его. И хотя брак с Пэй Юем подошел к концу, забота этого человека оставалась для него бесценным сокровищем.

В конце разговора Наньшу невольно, словно ребенку, наказал дедушке есть поменьше сладкого. Старик Пэй расплылся в улыбке — он относился к Наньшу как к родному внуку.

Когда Наньшу положил трубку, по телевизору уже шло выступление юмористов. В гостиной снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь взрывами смеха из динамиков.

В одиночестве он накрыл на стол и принялся за еду. Юноша старался сосредоточиться на гала-концерте, который он впервые за много лет мог посмотреть целиком, и убеждал себя, что так даже лучше.

Но стоило ему вспомнить о Пэй Юе — и все слова Вэй Сыяня, всё его напускное спокойствие рассыпались в прах. Было бы ложью сказать, что его сердце не дрогнуло. Тот когда-то был для него недостижимым сиянием звезд, на которое он смотрел из пыли, встав на цыпочки.

Но каждый луч этого света оборачивался для него острым лезвием. Той ночью, преодолевая невыносимую боль, он буквально вырвал себя из прежней жизни. Образ Пэй Юя в его сознании слился с ледяным ветром и снегом; стоило закрыть глаза, и его захлестывали отчаяние и разочарование, копившиеся годами. Они обжигали лицо, словно пощечины.

Наньшу молча ел пельмени. Он был слишком худым, и та напускная твердость, которую он так долго возвращал в себе, теперь давала трещину под напором праздничного веселья.

«Какой же я ничтожный»

Больше всего он боялся крупиц тепла и заботы. С Пэй Юем всё было так же: стоило тому проявить лишь каплю внимания, и Наньшу был готов преследовать этот призрачный свет вечно. В груди нарастала нестерпимая боль, словно там разверзлась пустота. Казалось, нужно просто привыкнуть к одиночеству — так же, как когда-то в приюте. Тогда ему хватало лишь издали смотреть на чужие праздничные огни, чтобы почувствовать мимолетное утешение.

Внезапно в замке повернулся ключ.

От неожиданности Наньшу выронил палочки и, поспешно смахнув нахлынувшие чувства, обернулся.

Это был Хань Цзянянь.

На его волосах еще белели снежинки, а глаза лучились теплом. Он поднял руку, в которой держал пакет.

— Брат Вэнь, с Новым годом. Я никак не мог забыть про твои пельмени. Очень уж захотелось попробовать их еще раз.

<http://bllate.org/book/15853/1437097>